

Вишневский Ю. Р. – окончил исторический факультет Благовещенского педагогического института, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). Основные области исследования: социология образования, культуры, социология молодежи. Интервью состоялось в ноябре 2013 – январе 2014 гг.

ВИШНЕВСКИЙ Ю.Р.:
«НАМ БЫЛА
ПРИСУЩА
НАДЕЖДА,
ЕСЛИ ПРАВИЛЬНО
ОБЪЯСНИТЬ” МИР,
ЕГО ЛЕГЧЕ БУДЕТ
“ИЗМЕНИТЬ”»

Количество проведенных мною за десять лет интервью с советскими/российскими социологами уже перевалило за полсотни. Многие прояснилось в становлении современного этапа отечественной социологии, определились основные пути, которыми ученые приходили в социологию. Но очевидно и то, что ни о каком торможении процесса сбора данных, тем более – сворачивании этого дела не может быть и речи. Интервью с Юрием Рудольфовичем Вишневским лишней раз убеждает меня в этом. Многие в его биографии, в характере научных интересов, профессиональном движении характерно для социологов его поколения. Но много и того, что пока не было отражено в рассказах его коллег. Прежде всего я имею ввиду два обстоятельства. Первое, – особенности социализации и профессионализации Вишневского, которые протекали «далеко от Москвы», в Благовещенске. И второе – совмещение научной и преподавательской деятельности.

давательской деятельности. В моей коллекции интервью есть беседы, проведенные с социологами, всю жизнь проработавшими в ВУЗ-ах, но только сейчас я по-настоящему задумался о том, насколько трудно им было заниматься наукой. И надо сказать им всем огромное спасибо, благодаря им растет и развивается наше профессиональное сообщество. Они работают на будущее российской социологии.

Юрий, совсем недавно ты отметил свое 75-летие, так что наша беседа – постюбилейная. Ты согласишься, многое забывается, но не детство, не родители... Пожалуйста, расскажи, насколько глубоко ты знаешь историю своей семьи, где родился, чем занимались твои родители?

К сожалению, это – беда нашего поколения, но я могу сказать что-то лишь о своих дедушке и бабушке (по линии мамы). Мой дед – Брейман Лев Яковлевич – был известным одесским юристом (член коллегии адвокатов Одессы) и одновременно – редактором журнала «Вся Одесса». Но деда своего я видел лишь на нескольких семейных фотографиях, чудом сохранившихся в условиях предвоенного и военного времени. Его арестовали в 1937 г. (до моего рождения) и лишь недавно мы получили информацию, что он умер в тюрьме. Больше я знаю о бабушке – Брейман Адель Юльевне. Лишь в 1956 г. (когда мне было уже 18 лет) – после XX съезда – родители рассказали мне, что бабушка училась в Сорбонне. Но детей она рожала в Одессе – в 1910 г. мою маму – Юлию Львовну (после чего продолжила учебу), в 1914 г. – моего дядю Витю. Но началась I мировая война, а затем – революция, и бабушка в Сорбонну уже не вернулась. Это не помешало ей стать известным юристом, – сначала в Одессе, а в войну – в Ярославле. Всю войну я провел с бабушкой в Ярославле (правда, в основном в детсаде). В 1947 г. бабушка умерла. Меня долго интересовал вопрос: «Что мог делать в войну адвокат?». В 1966 г. мы со старшим сыном Сергеем были в Ярославле. Я по детским смутным воспоминаниям нашел наш дом, где мы встретили женщину, хорошо знавшую бабушку и рассказавшую нам, как много она в войну помогала людям, защищала их права.

Мама – в плане рождения детей – повторила бабушкин опыт. И в паспорте у меня (я родился в 1938 г.), и у старшего брата (Толик – 1932 г.) стоит Одесса. Когда я родился, папа – Вишневский Рудольф Вениаминович – уже несколько месяцев был арестован. По происхождению он – из бедной местечковой еврейской семьи, его отец был сапожником. Папа окончил в 1932 г. Одесский медицинский институт, затем – по

комсомольскому призыву – служил в милиции и армии, где достаточно быстро продвигался и к моменту своего ареста был начальником медсанчасти танковой бригады под Уссурийском. Обвинения в его адрес были (как обычно в те времена) абсурдными – сначала (до ареста Блюхера) его обвиняли, что он хотел убить Блюхера, а потом – что он хотел хинином отравить всю бригаду (хотя столько хинина не было во всей стране). Мама многие годы хранила телеграмму от подруги из Уссурийска: «Люся не приезжай, мужа нет». Может быть, абсурдность обвинения, а может и счастливое стечение обстоятельств, но папу через год выпустили, восстановили в звании и даже дали им с мамой путевки. Так и окончилась моя «одесская жизнь». В войну папа все время был начальником прифронтовых госпиталей, а в 1945 г. он был назначен начальником госпиталя в Пушкине под Ленинградом, где и прошло мое детство.

В 1952 г. не без влияния «ленинградского дела» и «дела врачей» его вновь направили на Дальний Восток – в Благовещенск. В целом после 29 лет медицинской службы в армии он в 1958 г. переехал на Урал (в Нижний Тагил), где проработал врачом еще 12 лет.

Я понимал, что мой отец – высококвалифицированный и профессиональный врач, внимательный к людям. Но особенно в этом мне пришлось убедиться по весьма печальному поводу – в последний путь его провожали тысячи тагильчан...

Мама была душой, интеллектуальным центром нашей семьи. Она так и не получила высшего образования (из-за «буржуазного происхождения»), но прекрасно музицировала, пела. Перед войной (уже как офицерская жена) она поступила на Высшие экономические курсы. Но – с началом войны она ушла на фронт медсестрой, и так и работала уже и после войны.

Главное, что мне досталось от родителей, – понимание «надо быть профессионалом в своем деле» и – самое главное – уважать людей.

Удивительно, как ты нашел нужный дом в Ярославле и даже встретил женщину, помнившую твою бабушку... Про Пушкин конца 1940-х – начала 1950-х не спрашиваю, я – ленинградец, потому знаю, а вот о жизни в Благовещенске, пожалуйста, расскажи подробнее. Особенно о школе, о том, что могло повлиять на твой профессиональный выбор.

Детство в Пушкине, я пошел в первый класс в школу у городского базара, где – как потом выяснилось – училась Анна Ахматова, жили мы напротив Екатерининского парка, рядом

с адмиралтейством, сформировало у меня гуманитарную направленность, которая с переездом в Благовещенск лишь усилилась. Учился я в школе №1, школа была мужской; лишь в 1955 г., когда мы были в 10-м классе, она стала смешанной, но нас так и не объединили. В нашем классе сложилось четкое разграничение на «физиков» и «лириков», что не мешало очень теплым дружеским отношениям. И, кстати, на всю жизнь мне запомнились не только учителя истории (Вячеслав Васильевич, Римма Андреевна – наш директор) и литературы (Ленина Леонтьевна), но и математики (Иван Генрихович), физики (Дора Ефтеевна). Учились мы все очень хорошо – две трети класса окончили школу с золотыми или серебряными медалями. Из событий общественной жизни особенно запомнились смерть Сталина, ощущением всеобщего горя, и 300-летие объединения России и Украины. В тот день было какое-то «предчувствие» «близкого коммунизма»: и газировка, и булочки были бесплатными.

Родители отнеслись к моему выбору спокойно, хотя, конечно, они переживали, что ни брат, который поступил в Пушкине в военно-морское училище, ни я не стали медиками. Папа лишь поставил условие: поедешь в Москву – я мечтал учиться в историко-архивном институте, – если получишь золотую медаль. По условиям приема в наше время лишь золотые медалисты поступали без экзаменов, серебряные – сдавали один профильный экзамен. Но с «золотом» вышла осечка – на экзамене по геометрии я сделал ошибку, запомнившуюся на всю жизнь; написал «восстановим перпендикуляр к данной точке данной плоскости» (вместо – «к данной плоскости в данной точке»). В итоге – четверка, в итоге – исторический факультет Благовещенского педагогического института; когда мы учились на втором курсе, он стал историко-филологическим. Впрочем, с вершин прожитой жизни начинаешь понимать – «все в жизни к лучшему».

Как начала складываться твою жизнь после школы?

Итак, в 1955 г. я поступил, в 1960 г. – окончил Благовещенский пединститут, получив диплом учителя русского языка, литературы и истории. Студенческие годы запомнились по многим параметрам. Прежде всего, у нас были прекрасные педагоги – многие из них (после «ленинградского дела») были высланы в Благовещенск, прибыли они со своими библиотеками. Поэтому в провинциальном вузе мы получили очень качественное образование. Углубился мой интерес к истории, я активно работал все пять лет в историческом кружке, выступил

пал с докладами на студенческих научных конференциях. Об одном из них даже написали в юбилейном сборнике «Благовещенску – 100 лет» (1958). Постоянно работал в архиве, где исследовательским навыкам нас обучал знаменитый краевед Новиков-Даурский. К окончанию у меня уже накопился солидный материал к диссертации по истории коллективизации в Амурской области в 1921-25 гг. Кстати, именно этот материал (разнообразие форм кооперации, заинтересованность крестьянства) был для меня и в дальнейшем ориентиром, что социализм можно было «построить» «правильнее», без перегибов и насилия, что социальное развитие должно идти естественным путем.

А с перегибами мне довелось познакомиться во время поездки в составе студенческой делегации в Китай – там был в разгаре «большой» скачок. Особенно запомнилось посещение строительства Шисанлиньского водохранилища – в тот момент поразил энтузиазм (люди пешком шли на стройку и обратно по 15 км. и работали вручную целый день), позднее – бессмысленность затрат человеческого труда. В последние годы часто удается летом бывать в Хейхе, город на другой стороне Амура, радуется, как китайцы, отказавшись от иллюзий «скачков», плодотворно строят и трудятся.

Важный аспект студенческих лет – активная общественная жизнь. У нас был активный дружный курс, мы выступали заводилами многих мероприятий. Самое главное – эту студенческую дружбу мы пронесли через годы. В последние годы я постоянно приезжаю в Благовещенск (как председатель государственной аттестационной комиссии у социологов Амурском госуниверситете), и мы встречаемся, отмечая 50 лет поступления в институт, 50 лет окончания 1 курса, ... 50 лет окончания института (к этой знаменательной дате выпустили книгу «Достоинно мы по жизни шли») ... Если со всеми меня связывала дружба, то с Ниной Усковой из соседней группы – любовь. Мы поженились на третьем курсе, и вот уже отметили изумрудную свадьбу (55 лет совместной жизни). На последнем курсе у нас родился сын – Сергей.

Я был старостой группы, на четвертом курсе вступил в КПСС. Для нас студентов-историков «квот» на прием не существовало. А у нас никаких карьерных соображений в связи с этим не было, преобладало чувство ответственности. Именно это чувство побудило меня из возможных вариантов после окончания института: аспирантура, работа в Областном комитете комсомола, директор сельской школы в целинном совхозе выбрать последнее. Но проработал я директором восьмилетней школы в селе Нижняя Полтавка Амурской области всего

4 месяца. Меня, как и других моих однокурсников, призвали в армию. И почти три года (из-за карибского и берлинского кризисов нас, выпускников педвузов, задержали и не демобилизовали раньше) я служил рядовым-срочником. Об армейской службе каких-то неприятных воспоминаний не осталось. Правда, психологически трудной была разлука с родителями, Ниной и Сергуней. Они к тому времени жили уже на Урале, в Нижнем Тагиле. Туда я и приехал, после демобилизации. Так в моей жизни образовались три периода – дотагильский, тагильский и послетагильский. В Тагиле я поработал 3 года учителем истории и обществоведения в школе рабочей молодежи, а затем меня пригласили в Нижнетагильский педагогический институт. Это был 1995-й год.

Я бы в любом случае спросил про Сталина, но ты упростил мою задачу. Неужели, в городе, в котором жило множество бывших заключенных, «сосланных» по «ленинградскому делу», «делу врачей» и прочим аналогичным делам, смерть Сталина воспринималась как горе?

Не могу сказать «за весь» город, но мои одноклассники и учителя выражали это чувство искренно и неподдельно. Интересна (с учетом последующего опыта) и реакция моих родителей – и отца, отсидевшего более года, и мамы, так и не увидевшей своего отца (моего деда). Они тоже переживали это как огромное общенародное горе. Примечательно, что папа оставался до конца жизни убежденным коммунистом, и в последние годы – уже в Н. Тагиле – был секретарем парторганизации больницы. Его позиция – позднее я встречался с нею неоднократно – Сталин не знал, это был заговор – в том числе – и против Сталина. В чем-то он в данном отношении повлиял и на меня. Спустя многие годы, интересуясь делами репрессированных, сталкивался с таким большим количеством оговоров и сведения счетов, что пришел к выводу о самой опасности атмосферы всеобщей слежки друг за другом. Конечно, мы сегодня гораздо более информированы об этих годах, но и сейчас у меня вызывает некоторое отторжение их однозначно негативная оценка. Не исключаю и влияния обычного оптимизма молодости. По крайней мере, когда сам отвечаю на вопросы социологов, о самом лучшем времени, отвергаю не только сталинскую эпоху, но – еще больше – лихие 1990-е. Кстати, по вопросу об оценке Сталина мы часто спорили с моим другом и коллегой Валерой Шапко, его оценки были более жесткими и, возможно, более справедливыми. Но....

Из всех моих собеседников, а их более полусотни человек, ты социализировался и получил образование в Благовещенске – очень далеко от Москвы. В Москве, Ленинграде, других крупных городах европейской части Союза в первой половине 60-х студенчество, молодежь слушали зарубежное радио, включались в джазовую культуру, создавали неформальные литературные объединения и так далее. Было ли нечто подобное в ваших краях?

Моя студенческая жизнь протекала чуть раньше – в конце 1950-х – из всего названного тобой у нас были только стилиаги. Более того, и я отдал дань, хотя на Дальнем Востоке мода приходила с большим опозданием. Были и у меня брюки дудочкой и ботинки на большой подошве. И меня чуть не исключили из института за стилиажничество. Но как-то достаточно быстро оно прошло. Что касается первой половины 1960-х, когда я уже жил в Н. Тагиле, то для нашего круга знакомых основной интерес был – КВН и поэзия. А среди поэтов, к сожалению, даже не «Серебряный век», не Ахматова или Пастернак, и т.д. (к ним мы пришли гораздо позднее), а Евтушенко, Вознесенский и Рождественский. В целом – уже как социолог – могу сказать, что в провинции (и в Благовещенске, и – особенно – в Н. Тагиле) обстановка была проще и значительно свободнее. Возможно, поэтому и протест был не так заметен.

Итак, ты начал работать в Нижнетагильский пединституте. Это была преподавательская или исследовательская деятельность? Там произошло твое знакомство с социологией?

Начал я работать преподавателем философии (конечно, – марксистско-ленинской, другой тогда и не было). Сам приход в институт был связан с моим стремлением продолжить занятия наукой. Через несколько месяцев работы в ППРМ я поехал в Свердловск – в Уральский госуниверситет на кафедру истории. Но мне резонно объяснили, тема «Коллективизация в Амурской области в 1921-25 гг.» (по ней у меня было собрано много материалов еще в институте) в Свердловской области никого заинтересовать не сможет. Договорились, что я сдаю кандидатские экзамены и одновременно пытаюсь изменить тему применительно к региону. Подготовка и успешная сдача кандидатского экзамена по философии серьезно изменила мою судьбу. После экзамена, переговорив со мной о дальнейших научных планах, Леонид Михайлович Архангельский (он был очень душевным человеком и серьезным специалистом в области этики – или социологии морали, к созданию которой он стремился) предложил мне заняться «новой» и «интересной»

наукой – социологией. В начале 1960-х гг. она для многих, увлекшихся этой наукой, была совершенно «новой». Более того, от ее характеристики (в целом) как «буржуазной» лженауки начали отказываться, а истмат все чаще стали рассматривать как марксистскую социологию (намекая, ненароком, что и Маркс вообще-то был социологом). Мой ответ на его предложение был позитивным, все равно и в истории – при изменении темы – мне надо было начинать с нуля. И я подумал, что уже приобретенные в институте научные навыки – умение работать с книгой и умение переводить – помогут мне и в занятиях социологией.

Кстати, об умении переводить – это особая история. Еще в Пушкине я начал изучать английский язык с 1 класса, но в Благовещенске в моей школе был лишь немецкий, поэтому до окончания школы я учил язык индивидуально. Институт и – особенно – армия прибавили к этому переводческую практику (я переводил «New Times», а когда натыкался на неизвестное слово, обращался к «Новому времени», и лишь в крайнем случае – к словарю). В итоге – на кандидатском экзамене я получил лишь троечку (пять – за словарный запас и перевод, кол – за речь). Но в наше время именно такое – полумертвое – знание языка было важным. Не случайно, что и в кандидатской диссертации многое по теории культуры – переводные материалы, а докторская – как было принято – называлась «Критика буржуазных концепций «единой культуры», вообще основывалась на них. Завидую современным молодым, и свободно владеющим иностранным языком, и имеющим возможность читать многих (Фромм и т.д) в переводе. Для нас они были в «спецхране» Ленинки или Всесоюзной библиотеки иностранной литературы, куда мы приезжали, их читали и переводили.

Занявшись социологией, я много читал (к середине 1960-х кое-что уже стало появляться, особенно – по методике исследований; но для всех нас самой поучительной стала книга «Человек и его работа» Ядова, Здравомыслова и др.) и – даже – провел свое первое эмпирическое исследование: обобщил сочинения своих учащихся ШРМ «Как они представляют свое будущее» (напомню, что в эти годы основным идеологическим ориентиром была Программа КПСС, обещавшая, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»). Примечательно, что мои ученики – молодые и не очень – рабочие акцент делали не на будущем, а на проблемах сегодняшнего дня. Для меня в дальнейшем, когда с переездом в Свердловск пришлось возглавить кафедру научного коммунизма и читать этот курс, именно их подход стал определяющим.

Это обобщение «Нас 111, мы работаем и учимся» стало моей первой социологической работой. Пригласил меня в институт Фридрих Рафаилович Филиппов, под руководством которого мне посчастливилось проработать несколько лет, а самое главное – заметно повысить свой профессиональный уровень как социолога. Ему удалось собрать на кафедре интересных, талантливых людей – в первую очередь выделю Юрия Павловича Петрова и Леонида Абрамовича Марголина, чуть позднее на кафедру пришел работать и Валерий Трофимович Шапко. В той творческой свободной атмосфере, которая царила у нас на кафедре, работалось и писалось легко. За два года я подготовил (на базе нескольких эмпирических исследований) кандидатскую диссертацию «Культурный уровень молодого рабочего», которую в 1968 г. успешно защитил. Оппонентом по моей работе был Лев Наумович Коган, с которым была связана моя последующая научная (а во многом и личная) жизнь и дружба.

Я понимаю, давно все это было, и все же. Что удалось показать в том диссертационном исследовании? И потом, как ты думаешь, если изучить культурный уровень современного молодого рабочего, какого характера, содержания сопоставительные выводы можно было сделать?

Главная теоретическая идея – в отличие от преобладавшего представления о культуре как совокупности достижений (богатств, ценностей) обосновать связь культуры с развитием личности, уровень культуры – это то, что освоено личностью, социальной группой (основной объект для меня с тех далеких дней и до сих пор – молодежь). В какой-то мере это было созвучно новым подходам в теории культуры в нашем обществоведении (это шире, чем социология) под влиянием знакомства и осмысления работ «молодого Маркса». Сегодня представляется, что ориентир на «молодого Маркса» в те годы был разумной (возможно, – оптимальной) формой неприятия официального марксизма, зачастую развивавшегося теми, кто Маркса, может быть, и почитали, даже прославляли, но не читали и не понимали всей глубины его идей. Именно в эти годы рождалась самореализационная теория культуры Льва Наумовича Когана, где культура рассматривалась как мера реализации сущностных сил человека. И – как опытный педагог и наставник – он все свои идеи обсуждал и «обкатывал» с нами. В меру своего понимания этих идей каждый из нас и стремился реализовать их в своих работах и диссертациях. И если в моей диссертации культурный уровень рассматривался как проти-

воречивое единство разных компонентов и блоков (аксиологический, нормативный, праксеологический), то другие исследовали механизмы самореализации в рамках отдельных видов культуры (многие из которых – из-за сведения всей культуры к эстетической, художественной – были изучены слабо – экономическая, экологическая, политическая и т.д. культуры). У Валеры Шапко, например, кандидатская диссертация была о политической культуре – на основе одного из первых в Союзе исследований. От трепа о политической сознательности советского рабочего мы уходили к серьезному (социологическому!) анализу, отражавшему противоречия в политическом сознании и поведении людей. Особенно значимой для нас была идея Когана о многообразии видов творчества (процесс, продукт и – самое главное – развитие потребностей и способностей самой личности). Не удивительно, что и модный в те годы ориентир «всестороннее развитие личности» мы трактовали не столько количественно, сколько качественно.

Поделись пожалуйста воспоминаниями о Ф.Р. Филиппове, о нижнетагильском, возможно – уральском, этапе его деятельности.

Фридрих Рафаилович был, прежде всего, – замечательным организатором науки, благодаря ему, в Нижнем Тагиле сложился и многие годы существовал один из серьезных социологических центров страны. Сказывалось то, что он до прихода в пединститут (где он был единственным проректором и все успевал) проработал заведующим Нижнетагильским гороно (городским отделом народного образования). Сотрудничество с М.Н. Руткевичем определило основное направление его научных интересов – социальная структура, социальная мобильность (правда, они использовали более «марксистский термин» – социальные перемещения). И все-таки он вносил в разработку этих проблем свое, рассматривая образование как важнейший фактор мобильности (перемещения). Это позднее привело его к всестороннему социологическому анализу проблем образования, и он – по праву – является ведущей фигурой в возрождении и развитии отечественной социологии образования. Фридрих Рафаилович (как позднее и Коган) поражал и вдохновлял своих коллег огромной работоспособностью, позволявшей ему успешно сочетать административную работу с научной. Добившись многого в науке, еще живя в достаточно провинциальном Нижнем Тагиле, он имел моральное право требовать и от нас интенсивных занятий науки. Никогда не забуду, как он вызвал меня на следующий день после возвращения из Свердловска и успешной защиты кандидатской, и

весьма серьезно спросил, каковы мои планы работы над докторской диссертацией. Вряд ли этот разговор был для меня ведущим мотивом, но все-таки. По масштабам своей личности и вклада в науку Филиппов все более выходил на всесоюзный и международный уровень, часто участвовал в совместных исследованиях и конференциях. Для нас он был важнейшим каналом получения свежей социологической информации, всегда охотно рассказывал о том, как развивается «наша наука». Поэтому переезд его в Москву нам был понятен, хотя для каждого из нас это было серьезной потерей.

Мне ничего не известно об исследованиях Ю.П.Петрова и Л.А.Марголина. По каким направлениям социологии они работают?

Юрий Павлович Петров сменил Филиппова в горно, а затем пришел к нам на кафедру и после отъезда Филиппова стал ее заведующим. Петров в социологии специализировался на проблемах воспитания. Он написал ряд очень интересных работ о школе и семье как агентах (акторах) воспитания. Он даже подготовил докторскую диссертацию, но защитить ее – по ряду объективных обстоятельств – не смог. Уже несколько лет его нет с нами, но память о нем на Урале и – особенно – в Нижнем Тагиле сохраняется. К его юбилею пединститут (ныне – социально-педагогическая академия) провел конференцию и издал сборник его работ. Понятно, что времена меняются, но мне кажется, что многие результаты его социологических исследований и сегодня помогли бы преодолеть то, что получило название «бездуховность», «духовный кризис» и т.д.

Леонид Абрамович Марголин пришел на кафедру (и в социологию) из горно-металлургического техникума, где он преподавал общественные дисциплины. Он довольно быстро (под руководством Когана) защитил диссертацию, глубоко и всесторонне рассмотрев в социологическом ракурсе проблемы профориентации. Трудно сравнивать, но, возможно, это был другой вариант научного поиска, близкого и одновременно совершенно самостоятельного – в сравнении с тем, что в это же время делали наши новосибирские коллеги. Но вообще Леонид Абрамович – замечательный знаток и любитель театра и телевидения, социология массовых коммуникаций стала для него жизненным делом. Позднее (уже после меня и Шапко, когда умерла его жена – замечательный тагильский врач Валентина Антоновна Перцева) он переехал в Екатеринбург. Человек огромной силы воли и души – он преодолевает нагрянувшие болезни и сохраняет неиссякаемый интерес к жизни. Дружба

с этим интереснейшим человеком – один из важных моментов моей жизни. Как хочется, чтобы была возможность услышать от него новый анекдот, новость из Интернета и т.д., да просто встретиться. Даже в очень сложных ситуациях я постоянно думаю, как много на моем пути встретилось таких людей, как многому они меня научили, как сильно они на меня повлияли.

Ты мне немного говорил о дружбе с В.Т. Шапко. Пожалуйста, расскажи подробнее о нем как исследователе и человеке.

Среди этих людей Валера, Валерий Трофимович Шапко, занимает особое место. Если характеризовать его социологически, то он – типичный «рабочий-интеллигент» (был в тот период такой термин, отражавший неудовлетворенность схемой Руткевича «2 /класса/ + 1 /слой – интеллигенция/» и фиксировавший реальные изменения – интеллектуализацию труда рабочих под влиянием НТР) и, конечно, self-made man.

Первое мое знакомство с Шапко состоялось во время «КВНа», где соревновались команды «НТМК» (в ней был Валера) и «Вагонки» (за которую играл мой старший брат). Своим остроумием и широким культурным кругозором он привлек меня уже в тот момент.

Высшее историческое образование Шапко получил в УрГУ (Уральский государственный университет), но заочно. Реальные огрехи заочного образования он преодолевал самообразованием, тем более что в тот период книги были относительно доступны. В итоге – его познания, не связанные с какой-то узкой вузовской программой, отличались и глубиной, и – главное – широтой диапазона. Единственное, что ему не удалось преодолеть – иностранный язык. Перед защитой кандидатской диссертации самым сложным для него было не написать саму работу, а сдать кандидатский экзамен по немецкому языку. Помню, когда на другой день после экзамена он приветствовал Когана словами «Гутен таг, герр профессор», Лев Наумович мощным басом на весь этаж приглашал посмотреть на Шапко, заговорившего по-немецки.

Пока Шапко (иногда я буду писать Валера, я привык именно так говорить о нем) учился – он работал на Нижнетагильском металлургическом комбинате слесарем высшего разряда по ремонту КИП (контрольно-измерительных приборов). Отсюда – и его удивительный практицизм (проявлявшийся не только в умении делать почти все «руками», но и в негативном отношении к любому делу – «для галочки»). У меня, когда мы переехали в Свердловск, даже дети знали: если наконец-то отремонтирована розетка или подвешена люстра, значит, дядя

Валера приехал. Но важнее другое – в любом исследовании (а мы их совместно провели за 33 года более 40) его интересовало, прежде всего, что мы по результатам сможем предложить, сможем изменить.

Молодой рабочий с высшим гуманитарным образованием, член КПСС – все это определило его приглашение на работу в Нижнетагильский ГК КПСС, в отдел пропаганды. Но партийная карьера не очень привлекала его, а присущая Шапко самостоятельность и независимость во взглядах и в поведении не очень «гармонировала» с горкомовскими порядками. В итоге он начинает работу в Нижнетагильском пединституте, где оказались на одной – «филипповской» – кафедре. Совместная работа переросла в дружбу, дружба определила совместное творчество.

Это творчество, действительно, было совместным. Я как-то, готовясь к юбилею, посчитал, что мы совместно написали более 150 статей, тезисов, книг. При этом по многим вопросам мы расходились в понимании, оценке и т.д. Наши споры нередко становились весьма «горячими» (и тут прибежали наши жены – моя Нина и его – Нелла). Но эта горячность никогда не выходила за пределы взаимной уважительности. Прервавшись на час-другой, мы приходили к общему мнению и начинали печатать дальше (или – пока мы печатали на «Оптиме» и не было еще компьютеров – возвращались и перепечатывали те страницы, которые вызвали спор).

Кандидатская Шапко была посвящена политической культуре и основана на исследовании (одном из первых в Союзе), которое мы провели под руководством Льва Наумовича Когана в Качканаре. Докторская – актуальной культуре (идея была подсказана Коганом). О характере Валеры, его безразличии к каким-то формальностям (даже таким, как защита докторской диссертации) лучше всего могут сказать его заключительные слова на защите: «Своей защитой я обязан инфаркту, высвободившему мне несколько месяцев для того, чтобы обобщить результаты исследований, и усилиям профессоров Когана и Вишневского, постоянно толкавших меня на этот шаг».

Если оценить, что же наиболее значимое мы сделали совместно с Шапко, то, прежде всего, я бы выделил подготовку трехтомника Л. Н. Когана, наше обобщение более 30 отчетов свердловских социологов и сведение их в единый сборник «Образовательное пространство: Свердловская область», учебник «Социология молодежи» (первое издание вышло даже раньше, чем учебник В. Т. Лисовского).

В 2014 г. пройдет конференция памяти Валеры, его нет уже почти 5 лет. К этой конференции я готовлю книгу по зарубеж-

ной социологии образования – на основе одной из последних наших с ним совместных статей.

Юра, неужели ты, тем более Шапко, проработавший в аппарате КПСС, не понимали, что по результатам исследований, даже если вы и могли что-либо предложить, вы ничего не могли изменить? Чтобы пояснить, что я имею в виду, процитирую фрагмент интервью с Т.И. Заславской: «Запомнился случай, о котором рассказывал, кажется, З.И. Файнбург. Пермские социологи приехали в один промышленный город, чтобы опросить молодых рабочих о нормах сексуального поведения в их среде. Начали, как тогда водилось, с горкома и сразу же натолкнулись на категорический запрет исследования его секретарем (это была женщина). Социологи спросили ее: «Неужели вас не интересует, что творится в этой сфере, можно сказать, у вас под носом?» А она ответила: «Что творится, я знаю и без вас. А если вы мне об этом официально напишете, я обязана буду принимать какие-то меры. Сделать же я все равно ничего не могу. Так что ищите другой город». Или Свердловск и был именно тем городом? Как в целом у вас складывались взаимоотношения с властями?

Все было – и проще (аналогичных примеров я мог бы привести немало), и сложнее. Кстати, о примерах – нельзя не учитывать, что социологи (такова уж специфика нашей профессии) при достаточном уровне профессионализма выявляли целый ряд серьезных проблем. Достаточно сослаться на книгу «Человек и его работа», которая для нас, стремившихся проводить исследования объективно, была своеобразным ориентиром. Но в итоге получалось (после социологических исследований), что там, где они проводились, эти проблемы есть. Такие предприятия, города и т.д. (в данном случае не очень важно, что было объектом исследования) выглядели как «проблемные» – в отличие от тех предприятий, где такие исследования не проводились (а, значит, и проблемы – может быть, даже и более серьезные – не выявлялись). Это и порождало соответствующую реакцию у «заказчиков» или «инициаторов» (чаще всего – в лице парторганов и их отделов пропаганды или идеологических отделов).

Сталкивались мы и с более завуалированной формой. Когда инициатива разработки планов социального развития была поддержана на съезде КПСС, иметь такой план стало «делом чести». И нам посыпались заказы. По инициативе Кюгана в социальное планирование были внесены определенные коррективы – акцент на социокультурные индикаторы, изменение масштабов планирования (от уровня отдельных предприятий

до территорий – планов районов, городов, областей, особенно интересным и во многом своеобразным был план развития культуры Омской области). Участие в исследованиях и разработке этих планов стало для нас и многих социологов нашего поколения замечательной школой социологического самообразования. Но судьба этих планов была различной. Где-то наши рекомендации были – после широкого обсуждения – использованы как руководство к действию. Если говорить о нас с Валерой, то наиболее действенной была судьба плана социокультурного развития микрорайона Выя (есть в Нижнем Тагиле такой микрорайон, где традиционное поселение оказалось тесно связанным с развитием современных предприятий). Возможно, эта действенность определялась нечетким административным статусом микрорайона, поэтому выявленные проблемы не имели определенного «виновника», зато было кому поручить их решение.

Но не менее часто наши (да и не только наши) планы социального развития ставили на полку и отчитывались перед проверяющими их «наличием». Конечно, это не могло особенно вдохновлять и быть стимулом к последующим исследованиям. Однако, перед каждым новым исследованием заранее предвидеть его судьбу мы не могли.

И тут важно отметить еще один момент, который обычно ускользает за обобщенным понятием «партократия». Среди «заказчиков» и «инициаторов» в партийных органах было немало (сужу лишь по своему, возможно, и ограниченному опыту) честных, порядочных, а главное – ответственных, болеющих за дело людей. Кстати, именно таким и был Шапко. Да, он из горкома ушел. Но сколько таких Валер оставались работать. И далеко не всех их система «перемальвала». Приведу, в частности, пример с организацией Уральских социологических чтений. Идея их проведения принадлежит лидерам уральской социологии Н.А. Аитову (Уфа), Л.Н. Когану (Свердловск) и З.И. Файнбургу (Пермь). Но первые чтения прошли в 1976 г. не в одном из этих городов, а в Ижевске. Почему? Коган объездил с предложением о проведении чтений все областные центры «Большого Урала». И лишь первый секретарь Удмуртского ОК КПСС В. К. Марисов «решился» провести это мероприятие у себя.

Другой пример – он связан с важной особенностью уральской социологии, где среди социологов были не только представители академической и вузовской науки, но и солидный отряд заводских социологов. Встала серьезная проблема их обучения. Наибольшая концентрация профессиональных социологических кадров была сосредоточена в Свердловске, ...

но курсы заводских социологов были организованы в Челябинске. Причина – разное (мягко говоря) отношение в Свердловском и Челябинском обкомах КПСС к социологии и социологическим кадрам (кстати, это и ответ на вопрос: был ли Свердловск городом, где отношения власти к социологам было благоприятным; я – в основном – говорил о Н. Тагиле).

И, наконец, о нашем отношении. Понимали ли мы, что многие наши рекомендации не будут реализованы. В чем-то, безусловно, да. Но и нам, и даже Когану и Файнбургу (с Аитовым я встречался очень редко) была присуща надежда – в чем-то навеянная словами Маркса, надежда, что, если правильно «объяснить» мир, его легче будет «изменить».

Не будем сбрасывать со счета и отмеченный выше обучающий характер наших исследований, да и накопление эмпирических данных имело немалое значение – не представляю, как современная социология может развиваться лишь в теоретическом плане.

Юра, я благодарен тебе за появление в нашей беседе темы «планирование социального развития», в той или иной степени она затрагивалась многими из моих собеседников. Как ты думаешь, весь накопленный советскими социологами теоретический опыт в разработке этой проблематики, а также огромный эмпирический материал – это все лишь факт нашей истории или что-то в этом есть и на будущее?

Безусловно, с точки зрения накопленных материалов – это огромный социологический опыт (на котором учились, и неплохо, первые поколения российских советских социологов – по твоей хронологии), который – как учебный материал – должен широко использоваться при подготовке социологов (особенно – в плане методик и инструментария). В рамках социального планирования было выявлено немало проблем, большая часть которых не была решена и в то время (из-за невнимания к ним или отсутствия достаточных ресурсов). В том или ином виде, зачастую трансформированном, эти проблемы сохраняются и сегодня. Многие исследования, особенно проведенные на достаточном профессиональном уровне, могут быть основой для сравнительных исследований, для характеристики тех или иных социальных феноменов в динамике. Это позволило бы зафиксировать и глубокие качественные изменения, и сохранение многих стереотипов, и привычную инерционность общественного сознания (кстати, из неосуществленных совместно с Валерой планов – монография «Социальная инерция», у нас в начале 2000-х гг. появилось ряд статей по этой проблемати-

ке. Но потом мы сосредоточились на подготовке трехтомника работ Когана, а в 2009 г. Шапко не стало. Как только закончу монографию о зарубежной социологии образования, если хватит сил, собираюсь вернуться к нашей старой задумке).

Выше ты упомянул о работе над кандидатской и докторской диссертациями, предлагаю вернуться к этому сюжету. Пожалуйста, вспомни, как велась подготовка диссертаций, все ли проходило гладко с защитами?

Моя кандидатская диссертация была посвящена изучению культурного уровня рабочей молодежи. Мне повезло, благодаря Когану, я оказался в центре дискуссии о культуре, которая в этот период активно шла в нашем обществоведении. Ее суть была в отказе от узкоаксиологического понимания культуры как совокупности богатств, которые были накоплены человечеством. В противовес этому развивались самореализационная концепция культуры (на основе идей «раннего Маркса»), нормативно-технологическая концепция культуры, акцентированная роль норм и технологий в развитии культуры и др. Одновременно в научный оборот вовлекались произведения зарубежной культурной антропологии (чьи идеологические позиции показались не столь враждебными марксизму), что позволило акцентировать поведенческий, деятельный аспект культуры. Все это во многом облегчило разработку теоретического раздела диссертации. Материал для практического раздела составили результаты социологических исследований рабочей молодежи на крупнейших предприятиях Н. Тагила – Нижнетагильского металлургического комбината и Уралвагонзавода. Диссертация была подготовлена за два года и в 1968 г. защищена.

Как я уже отмечал, по инициативе Когана и Филиппова я сразу же начал работу над докторской. В 1972 г. вышла наша с Коганом книга «Очерки социалистической культуры» (Лев Наумович любовно называл ее «Полосатик» – из-за обложки). Тогда для защиты докторской диссертации нужна была лишь 1 монография. Но дальше дело затянулось – и из-за личных причин (у меня умерла мама, что надолго выбило меня из седла), а затем и из-за формальных, начало утверждаться «мнение», что нужно увеличивать сроки между двумя защитами – не менее 10 лет. Ожидание растянулось аж до 13 лет. Но они не прошли даром. Работа была посвящена «критике» буржуазных концепций «единой культуры» (а кто тогда «не критиковал» – даже И. С. Кон и Ю. Н. Давыдов) и ежегодно я по месяцу работал в Ленинке в спецхране, читая,

переводя и накапливая материал, немало книг удалось получить и по МБА (межбиблиотечный абонемент). Одновременно на основе интенсивных исследований, которые мы совместно с Шапко проводили, накапливался и материал для двух «позитивных разделов», где было показано, как утверждается единство социалистической культуры (меня особенно интересовало межпоколенческое единство, взаимодействие инженерной интеллигенции и рабочих). При этом – и тут сказалась относительная свобода в провинции – оказалось возможным не очень «лакировать» действительность, раскрывая противоречия этих процессов. В 1991 г. я защитил диссертацию, но уже через год по решению ОК КПСС был переведен на работу в Свердловск, где был избран зав. кафедрой научного коммунизма в Уральском политехническом институте.

Я люблю «коллекционировать» воспоминания о тех, кого я не мог проинтервьюировать... пожалуйста, напиши, в чем была суть подхода Л.Н. Когана к культуре?

В подходе Когана к культуре можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, в духе «раннего Маркса» он обосновал «самореализационную теорию культуры». Культура рассматривалась не как сумма богатств, накопленных человечеством (и в чем-то – нечто внешнее для человека), а как мера самореализации человеком своих сущностных сил. В поле зрения при этом попадал механизм такой самореализации (потребности, мотивы, цель и смысл жизни). Соответственно качественно менялось и понимание творчества как созидания ценностей и благ культуры. В культурном творчестве наряду с процессом и результатами творчества, акцентировалась проблема развития творческих способностей личности в этом процессе. Творчество человека, тем самым, рассматривалось одновременно не только вовне, но и как внутренний процесс – саморазвитие личности. Под этим же углом исследовалось и усвоение (освоение!) культуры – в нем выделялось не только (и не столько) потребление (в крайних формах порождавшее вещиизм, потребительство), но и сотворчество (распространявшееся не только на режиссеров, актеров, исполнителей и т.д., но и на читателей, зрителей, слушателей и т.д.). Кстати, серьезное развитие у Когана получило представление о культурном процессе – как компоненты его он выделял и исследовал производство, сохранение, распространение, потребление. Наконец, важный момент – выделение и изучение различных видов культуры. Преодолевая узость бытовавшего подхода, когда культура фактически сводилась к эстетической (и еще уже – художественной) культуре, Лев

Наумович – в 1960–1980-е гг. (!!?) ставил вопрос о необходимости исследовать политическую, правовую, экологическую, экономическую, сексуальную и т.д. культуру. В каждом из видов культуры он считал необходимым выделять аксиологический, нормативный (технологический) и праксиологический (поведенческий) компоненты. Позднее – в рамках творческого общения с коллегами-социологами и культурологами (особенно – М. С. Каган, В. М. Межуев, Ю. М. Лотман и др.) он дополнил свой подход семиотическим и коммуникативным компонентами. Отмеченные инновационные трактовки культуры позволили Льву Наумовичу, не отвергая распространенные идеологемы «всестороннего развития личности» и «социалистического образа жизни», акцентировать не количественные («все стороны»), а качественные характеристики саморазвития личности. При этом фактически получалось, что основным фактором поведения личности выступали не столько внешние требования, сколько выбор самой личности. Культура выбора рассматривалась как важнейшее качество личности, которое должно было быть сформировано у человека.

Как тебе кажется, что произошло с той культурой, которую ты изучал, и в тех группах, которые ты рассматривал, за прошедшие 30 лет?

Понятно, что основные изменения зафиксированы в обобщающих работах – в написанной совместно с Шапко «Социологии молодежи» (последнее – при его жизни издание – 2006 г.), подведшей итоги наших исследований за 30 лет, и в «Студенте – 2012» – по итогам 17-летнего (1995-2012 гг.) мониторинга свердловского студенчества. Но не менее ясно, что интервью – это особый жанр, не предназначенный для пространственных научных обобщений.

Если кратко, то выделю ряд моментов. Прежде всего, заметно изменение отношения к образованию – из терминальной ценности (какой оно было для нашего поколения и даже для наших детей) оно все более становится инструментальной. Этому способствовал бурный рост негосударственного образования (чаще всего – некачественного; исключения – типа Гуманитарного университета в Екатеринбурге, где мы с Гарольдом Зборовским работаем многие годы, – лишь подтверждают общее правило). Но самое главное – введение ЕГЭ, которое не только не устранило коррупцию, но своей ориентацией на тесты убивает (есть опасение – в ближайшие годы окончательно убьет) творческое мышление. Еще одна нарастающая тенденция, хотя, возможно и объективная, отражающая «тре-

тью профессиональную революцию» и становление транспрофессионализма, – депрофессионализация. Из года в год роль мотива «интерес к профессии» в выборе вуза снижается. Все чаще высшее профессиональное образование воспринимается молодежью просто как высшее образование. Это особенно негативно сказалось на подготовке массовых профессий (инженеров и педагогов, врачей пока не затронуло).

В области «молодежной культуры» произошли наибольшие изменения. Субкультурный принцип (когда те или иные феномены «молодежной музыки» были распространены во всех молодежных группах) сменился «стилевым», многообразие вкусовых предпочтений лишило молодежные музыкальные интересы не только целостности, но и устойчивости. Негативное влияние попсы дополнительно снижает уровень и качество этих интересов.

Резко сократился «институционализированный досуг» – посещение учреждений культуры (аудитория клубов и музеев все более становится детско-пенсионной). Чуть-чуть заметно оживление молодежной киноаудитории – с акцентом на технические параметры кинопродукции и комфортные условия просмотра. Seriously сократилась и молодежная телеаудитория: даже резкое увеличение числа каналов не помогло телевидению в конкуренции с компьютерами (особенно в связи с их резко возросшими возможностями для просмотра телепередач и фильмов). Но и здесь масштабы чаще всего приводят к снижению уровня и качества культуры молодежи. Еще один негативный момент, отразившийся в результатах исследований, до 80% молодых людей (даже студентов) воспринимают компьютер не как источник информации, а как развлечение («компьютерные игры»). Даже, когда к компьютеру обращаются в учебных целях (подготовка рефератов, курсовых и т.д.) преобладает бездумное «скачивание» – без осмысления полученной информации. На этом фоне особенно тревожно сокращение среди молодежи читателей. Систематически читают художественную литературу 10–12% школьников (за рамками обязательного списка книг) и студентов, газеты – 5–6%, журналы – 15–17% (но мода на «толстые» журналы – «Новый мир», «Октябрь» и т.д. – сер. 1980-х гг. прошла, очевидно безвозвратно).

После «театрального бума» рубежа 1980-1990-х гг. наблюдается снижение интереса молодежи к театру. Это не исключает вспыхивающего время от времени интереса «интеллектуальной элиты» к экспериментальному, камерному театру или – применительно к «провинции» – к гастроллям «столичных» театров. Но в общей массе молодежи эти феномены не меняют общей картины.

Наконец, завершить хотелось бы характеристикой тенденций в правовой и политической культуры молодежи. В рамках правовой культуры сохраняется отношение к закону как к чему-то необязательному. Произошел переход от бездумного исполнительства к неисполнительности, одновременно нарастают антиавторитарные настроения, что чревато отрицанием любых ограничений, норм.

В политической культуре сохраняется аполитичность молодежи, хотя мотивация ее за последние годы изменилась от безразличия к политике и трактовки ее как «грязного» дела – к осмыслению ограниченных возможностей – и личных, и молодежных – во влиянии на принятие и реализацию политических решений. Кстати, именно соображение «результаты выборов заранее predeterminedены», по мнению каждого второго студента в 2012 г., – главное, что мешает им участвовать в выборах. И казавшийся чем-то «неожиданным» всплеск молодежного протеста в России на рубеже 2011-2012 гг. в немалой мере был продиктован нежеланием нового поколения оставаться на «заднем» плане политической истории.

Постарался избегать оценочных суждений – с учетом нашего общего с Валерой подхода: «молодежь – не хуже и не лучше, она – другая». Но, кажется, не все получилось. Сказывается возраст? Ведь от нынешней молодежи меня отделяют 50 лет. Но старался не выходить за рамки результатов исследований.

Вернемся к описанию траектории твоей жизни... итак, в 1991 г. после защиты докторской диссертации ты переезжаешь в тогда еще Свердловск и возглавляешь кафедру научного коммунизма в Уральском политехническом институте. Прошло почти четверть века... уже многие сегодняшние читатели не понимают, что такое «научный коммунизм» как исследовательская отрасль. А для за-втрашнего – это будет полная загадка... пожалуйста, расскажи об основных направлениях деятельности твоей кафедры. И образовательной, и исследовательской...

Научный коммунизм я начал преподавать только в Свердловске. Но приехал туда с опытом многолетних социологических исследований, да и общественных дисциплин освоил немало (прежде всего, – философия, далее эстетика, этика, даже теория культуры – ведь я был деканом художественно-графического факультета). Отсюда и мое видение и предмета «научный коммунизм», и назначения преподавателя этого предмета: наука о коммунизме, который еще надо построить и в котором надо будет жить, а это, значит, нужно лучше знать

сегодняшнее общество, в том числе и с его проблемами, которые надо решать, с недостатками и противоречиями, которые надо преодолевать. Не скрою, андроповское «Мы плохо знаем общество, в котором живем» было мне созвучно. Свои лекции я начинал вопросом «по» Э. Бернштейну: «Научен ли научный коммунизм?» Но акцент ответа был другой – нужно, чтобы он был (и преподавался!) как наука. Само содержание курса (если опустить международные разделы) позволяло серьезно – социологически – рассматривать актуальные проблемы советского общества.

Молодежь кафедры восприняла мой подход нормально (правда, не обходилось и без перекосов, когда в критическом анализе ряд молодых коллег заходил слишком далеко). Поскольку я был «новым» заведующим, меня поддерживал и ректорат, и партком, и что самое главное – Л.Н. Коган, который был в это время зав. кафедрой научного коммунизма Уральского госуниверситета. Пользуясь этой поддержкой, я за три года отправил более 10 молодых преподавателей в аспирантуру. Большинство из них защитились, восемь человек позднее стали докторами.

Со средним и старшим поколением кафедры дело было сложнее. Часть из них (особенно Л. Д. Митрофанов, И. Ш. Осянский, Л. Г. Пихоя – позднее она работала в Москве с Ельциным) пришли к моему подходу на основе своего личного социологического опыта. Кто-то сосредоточился на теоретическом (категориальном) анализе основных понятий – была и такая форма ухода от действительности. Для какой-то части кафедралов таким «уходом» был анализ первоисточников, хотя и им приходилось на семинарах отвечать на острые вопросы студентов.

Кафедра – это и научное подразделение. С моим приходом на кафедру оживились социологические исследования. В центре нашего внимания были социальные проблемы производственного коллектива – бригадный подряд, бригадные формы организации труда и стимулирования, социальное соревнование, трудовая дисциплина и т.д. Заказчики (за исключением «года Черненко», когда четко проявилось – «все назад») требовали от нас объективности и активно участвовали в устранении выявленных недостатков, тем более что они относились не к идеологической сфере, а к организационно-управленческой.

Одним словом, наша кафедра психологически была готова трансформироваться, и мы одними из первых в Свердловске после начала перестройки стали в 1987 г. кафедрой «Актуальных проблем социализма», а уже через год – «Кафедрой социологии и политологии».

Труднее всего было даже не с преподаванием «Научного коммунизма», а с государственным экзаменом, который как бы обобщал все общественные дисциплины. В составе комиссии были преподаватели со всех кафедр факультета общественных наук и нередко различие в подходах между ними проявлялось на студентах.

Чтобы все не выглядело слишком «розово», расскажу и о негативных моментах. Уже после начала перестройки мне на одном из заседаний парткома вынесли сразу два выговора. Один – из-за того, что мой аспирант ушел в церковь. До сих пор помню мой вызов к Ельцину (он еще был первым секретарем обкома) и его слова: «Коммунист должен быть воинствующим атеистом». Понятно, каким было мое отношение к его последующим «проявлениям демократизма».

Другой выговор был связан с жалобой одной из моих доцентш, что заведующий кафедрой научного коммунизма (!?) пересказывает студентам идеи буржуазных идеологов. В то время в курс научного коммунизма включили глобальные проблемы. И мне у одного американского социолога попалась аббревиатура «5 б» – бомба, бульдозер, хлеб, СМИ, ребенок (на английском все они начинаются на b). Работа на худграфе приучила меня к значению наглядности. Вот и на лекции я это изобразил графически.

К счастью, перестройка развертывалась, и консерватизм и традиционализм отступали.

Завершить этот ответ хотелось бы ссылкой на своих студентов тех лет: за многие годы я ни разу ни от одного не услышал упрека. А это означает: даже преподавая «научный коммунизм», мы просто учили своих студентов «как жить» – без лозунгов и пропаганды.

Какие темы ты разрабатывал после защиты диссертации? Чем занимаешься в последние годы?

В 1980–е г., как я уже отмечал, основное направление наших исследований – социальные проблемы трудовых коллективов. Но по мере того, как перестройка выдыхалась, предприятия все меньше обращались к нам с заказами. Еще более плачевно это сказалось на заводской социологии. Сколько квалифицированных социологов осталось не у дел. В лихие 1990-е сфера наших исследований (особенно – в начале их) резко сузилась – до сферы образования. Да и то нам повезло. Свердловское образование в те годы возглавлял Валерий Вениаминович Нестеров – человек, утверждавший научный подход к образованию. По его инициативе (за очень небольшие, но крайне нужные в

те годы деньги) проводились разнообразные социологические исследования – социокультурный портрет учащихся, студентов, учителей, мотивация учебы, отношение к инновациям и т.д. Самым интересным было для нас с Шапко обобщение материалов разных социологических групп (Г.Е. Зборовский, Л.Я. Рубина, А.В. Меренков, Е.С. Баразгова и др.) и подготовка монографии «Свердловская область – единое образовательное пространство».

С середины 1990-х гг. активный интерес к социологическим исследованиям проблем молодежи стал проявлять Комитет по делам молодежи (позднее – Департамент). Мы провели целый ряд исследований, материалы которых были включены в Федеральные доклады о молодежи, которые тогда готовились систематически.

В 1995 г. мы провели первое исследование, цель которого – определить социокультурный портрет свердловского студенчества. Тогда никто и представить не мог, что это исследование станет мониторинговым и продлится до 2012 г.

В 2000-х гг. в основном мы проводили исследования по двум линиям: с одной стороны, это были федеральные исследования Российского общества социологов. Их позитивная сторона – они не требовали никаких затрат и способствовали интеграции социологов России. Все было просто – собирались заинтересованные социологи, обсуждали тему и инструментарий, договаривались о выборке, сами проводили, обрабатывали и публиковали... Так, был проведен мониторинг «Война была вчера: Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005, 2010), исследование «Гражданская культура студенчества». Но заметна и ограниченность – изучали в основном студенческую молодежь.

В этом же ряду и совместное исследование, которое проведено на базе Харьковского национального университета, Белорусского государственного университета и нашего университета (2010-2012).

Второй путь – это исследования по грантам. Это и изучение престижа профессии социального работника, и формирование инженерной элиты, и проблемы дифференциации молодежи и ее профессионального самоопределения, и проблемы повседневности. Эти исследования позволили расширить тематику исследования, да и гранты – это пусть и небольшое, но дополнительное финансирование.

В последние годы у нас наладились тесные отношения с Министерством физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области. И вновь сказался человеческий фактор – министром был назначен профессор, доктор педаго-

гических наук Леонид Аронович Раппопорт. Он инициировал проведение целого ряда исследований и, прежде всего, – социологический анализ отношения жителей Свердловской области к занятиям физкультурой и спортом. Но каждое исследование мы должны были «выиграть» по тендеру. Интересно, те в Москве, кто придумал эту систему, понимают, что нельзя отдавать серьезное дело на волю случая (тем более – что критерий, кто запросит меньше). Да и исходные ставки такие небольшие, что весь тендер ведет к сокращению даже их. Действительно, понимают ли, что фактически участие в таких тендерах для настоящих исследователей скорее определяется любовью к искусству, чем стремлением заработать.

В СССР на протяжении многих лет значительное число кафедр и лабораторий занималось проблемами социального планирования на производстве, а позже – на региональном уровне. Соответственно, исследования оплачивали предприятия, министерства. Кто и за разработку каких тем сейчас (в последние годы) финансирует проведение социологических исследований?

Практически, уже в основном ответил в рамках предыдущего ответа. Добавлю очень кратко. Сегодня в рамках финансирования социологических исследований наметился перекосяк. В сфере политики (рейтинги, предвыборные прогнозы и т.д.) крутятся очень большие деньги, но кроме китов «исследований» общественного мнения, большинство исследовательских фирм профессионально не готовы к проведению качественных, объективных исследований («ошибки» «китов», о которых много говорили, особенно после выборов мэра Москвы связаны отнюдь не с непрофессионализмом, вспомним и у Гэллага были проколы). Зарабатывать деньги таким путем мне не хотелось. 19 августа 1991 г. (после 30 лет членства, подчеркну – членства, а не пребывания) я вышел из КПСС и дал зарок больше не участвовать в «политических играх». Что же касается исследования остальных социальных проблем, то их финансирование (особенно интересующих меня – с серьезной теоретико-методологической разработкой) весьма скудно.

Еще один финансово-проблемный момент: сегодня объемы финансирования науки (сколько зарабатывает кафедра, вуз) стали индикатором «эффективности». Но отмеченное выше ставит гуманитариев (среди них мы – социологи еще в относительно лучшем положении) в сравнении с технарями в неравное положение. Но возникает и социологический вопрос: эффективны ли подобные критерии эффективности?

Задам тебе ряд вопросов как многолетнему заведующему кафедрой социологии. Сколько сейчас преподавателей на кафедре, в том числе – профессоров и доцентов? Какова учебная нагрузка преподавательского состава и что с ней будет в ближайшие годы? Какова общая ситуация в России с учебниками по социологии?

Новая жизнь кафедры началась с ее реорганизации в кафедру социологии и политологии. Собственно содержательно – от научного коммунизма к социологии и политологии – осуществить переход большинству кафедралов было не столь сложно (сказывалась предшествующий исследовательский опыт). Сложнее было в организационном плане – с отменой госэкзамена и льгот для обществоведов учебная нагрузка на каждого преподавателя возросла в 1,5 раза. Сказывалось и отсутствие учебно-методической литературы. Тут инициативу проявил Гарольд Зборовский – вместе с Г.П. Орловым они выпустили одно из первых пособий по социологии. Спустя несколько лет учебник по социологии для технических вузов подготовили мы с Валерой (он на данный момент дважды дорабатывался, 6 раз переиздавался). С середины 1990-х гг. начался своеобразный «бум» выпуска учебников и пособий по социологии. Но лишь немногие из них отличались – в содержательном и методическом плане – новизной и профессионализмом. Однако даже лучшие из них (отмечу в первую очередь учебники Ж. Т. Тощенко и Н. И. Лапина, учебники по общей социологии и истории социологии Г. Е. Зборовского и др.) были предназначены для студентов-социологов и могли использоваться преимущественно преподавателями.

К тому же – постепенно в технических вузах аудиторная нагрузка стала сокращаться (многие годы у нас даже плановая нагрузка по социологии включала 18 лекций + 9 семинаров, реально выходило еще меньше). Переход к стандартам третьего поколения вообще сделал социологию дисциплиной по выбору (в итоге – на физтехе и радиофаке «выбрали» психологию – с «аргументацией», что их выпускникам в практической работе чаще придется сталкиваться не с общими социальными проблемами, а с проблемами межличностных отношений в коллективе).

За многие годы преподавания социологии «технарям» появился определенный опыт. Такое преподавание не должно быть излишне теоретическим. Нет, научную планку опускать нельзя (это – неуважение своей науки), но важно расставлять акценты, не закидываясь на категориальном аппарате, а стремясь развить у студентов социологическое мышление, умение понимать социальные проблемы, диагностировать и прогнози-

ровать социальное развитие. Или иначе – не только доказать, что социология – наука, но и обосновать значимость ее для их жизненной и профессиональной карьеры.

Порой создается впечатление, что наше понимание назначения преподавателя социологии не очень совпадает с ориентацией реформы высшей школы. И у меня нет особого оптимизма в отношении будущего социологии как академической дисциплины в вузах России (и не только применительно к студентам технического и естественнонаучного профиля, но даже и к гуманитариям, студентам социально-экономического профиля).

И последнее – кафедра, которой я руковожу – «кафедра социологии и социальных технологий управления». За этим названием своя история. В середине лихих 1990-х гг. – на волне коммерциализации вузов (ее почему-то ограничивают появлением негосударственных вузов, хотя число студентов-контрактников в государственных вузах росло гораздо быстрее) стало ясно, что общеуниверситетские кафедры без своих студентов (т.е. не ставшие «выпускающими кафедрами») долго «не протянут» (или – скоро «протянут ... ноги»). Выжить в этих условиях нам помог опыт социологических исследований. Нет, мы не стали готовить социологов, хотя в родственных технических университетах (Пермь, Челябинск и др.) пошли (и довольно успешно!) этим путем. В Екатеринбурге их уже готовили во многих вузах (в УрГУ – у Когана, в УрГПУ – у Л.Я. Рубинной, в РГППУ, а затем в Гуманитарном университете – у Зборовского и т.д.). И мы решили воспользоваться опытом исследования организационно-управленческих проблем трудового коллектива и начать... готовить менеджеров. И вот уже 18 лет готовим, выпустив более 3000 управленцев. Наш опыт – подготовки менеджеров с «социологическим» уклоном себя полностью оправдал, и когда мы готовили менеджеров для социальной сферы, сферы услуг (с образованием Уральского федерального университета и избранной линией на «профилизацию» подготовку менеджеров сосредоточили в Высшей школе экономики и менеджмента, мы своих студентов доучиваем, но ниша «менеджеры социальной сферы» стала пустовать), и когда сейчас готовим кадры для государственного и муниципального управления (в рамках отмеченной «профилизации» кафедру перевели в Институт государственного управления и предпринимательства). Конечно, мы понимали и слабые стороны нашей подготовки (в первом случае это касалось экономических дисциплин, во втором – правовых дисциплин). Но понимая, стремились эти слабости или уменьшить, или устранить.

Все отмеченные организационные перемены сказались и на кафедре. Ее превращение в «выпускающую» и рост подготовки менеджеров привел к росту ее численности – в середине 2000-х гг. она была третьей по численности в УГТУ-УПИ – 75–80 человек (после двух кафедр иностранных языков). В последние годы произошло укрепление социологического ядра кафедры (защитили докторские диссертации Багирова А.П., Банникова Л.Н., Вишневский С.Ю., Ольховиков К.М., вернулась на кафедру – уже доктором социологических наук – Заборова Е.Н., перешли на кафедру Зборовский Г.Г. и Шуклина Е. А.). Не обошлось без потерь – самая невосполнимая – Валера. «Профильные» изменения последних лет привели к сокращению кафедры почти вдвое. Но и сегодня – по остепененности – она одна из первых в УрФУ (84%). Сейчас мы боремся против дальнейшей «профилизации» и деления кафедры по профилям – «государственное и муниципальное управление», «менеджмент», «социология». Самое драматичное в этой ситуации – даже не возможность утраты годами накопленного опыта профессиональной подготовки, а то как «разделить» преподавателей, часто ведущих дисциплины по двум и трем профилям?

Так или иначе, но говорят о существовании Уральской (Сибирской) социологической школы. Ты согласен с подобным утверждением? В чем ты вообще усматриваешь признаки социологической школы и в чем специфика Уральской (Сибирской)?

За Сибирскую мне сказать сложно. А в существовании Уральской – не только уверен, но и – как вице-президент Российского общества социологов по Уралу – в последние годы делал многое, чтобы она сохранялась и развивалась. И дело даже не только в том, что в 2016 г. будет 40-летие Уральских социологических чтений, ставших за эти годы самостоятельным научным феноменом. Мы – ученики Когана, Файнбурга и Аитова (особо отмечу Г.Е. Зборовского, В. Т. Шапко, С. Г. Зырянова, М. А. Слюсарянского, Ф. С. Файзуллина и многих-многих других) не допустили, чтобы «прервалась связь времен» даже в лихие 1990-е гг. Возникло своеобразное территориальное сообщество. И даже потери (в 2009 г. ушел из жизни Валера; совсем недавно не стало Марка Абрамовича Слюсарянского) воспринимались как общее горе. Нашу дружбу и научное сотрудничество не смогло разрушить даже решение о создании федеральных округов, когда Башкирия, Удмуртия и Пермский край оказались «вне» Урала. В этом решении был и один позитивный момент – в Уральский федеральный округ вошла Тюменская область и две

автономные области, тюменские социологи успешно влились в наше сообщество и уже дважды Уральские социологические чтения проходили в Тюмени (благодаря усилиям В.В. Гаврилюк, Г. Ф. Куцева, К. Г. Барбаковой и многих других наших тюменских коллег и друзей). Существование уральской социологической школы не исключает, а – напротив, предполагает формирование и развитие самостоятельных территориальных социологических центров. И все мы активно участвуем в Когановских, Файнбургских, Аитовских чтениях, в Тюменском социологическом форуме, в различных научных конференциях в городах «Большого Урала». Долгое время важной особенностью уральской социологической школы было солидное представительство заводской социологии. Сегодня в силу разных причин уральские социологи в основном сосредоточены в вузах. Хотя и в этом есть плюс – в каждом из наших регионов активно развернулась подготовка социологов. В итоге неплохо идет воспроизводство нашего сообщества за счет молодых социологов–профессионалов. Да и на наших чтениях и конференциях проблемы и перспективы преподавания социологии все чаще занимают достойное место. К 25-летию Уральских социологических чтений мы подготовили монографию, обобщающую их материалы за эти годы. Сейчас вместе с Гарольдом Зборовским мы готовим новую монографию, дополнив ее материалами за последние 15 лет. И еще два характерных примера. К юбилею возрождения социологии в России в «Социсе» была помещена наша статья об уральской социологической школе. А в своем учебнике по истории социологии Г.Е. Зборовский (я уже отмечал его среди наиболее интересных отечественных учебников) выделил специальную главу об истории социологии на Урале.

В моей лестнице социологических поколений ты, я, наши ровесники принадлежим к 3-ей профессиональной когорте, твои студенты – в основном, к младшей части 7-ой (это те, кто родился в интервале от 1983–1994 гг.), но, возможно, среди первокурсников есть и родившиеся в 1995-1996 годах. Они – уже из 8-го поколения российских социологов. В 2058 году исполнится 100 лет современной российской социологии, кто-из твоих сегодняшних студентов будет на Конгрессе, посвященном этой дате, будут вспоминать своих учителей, безусловно, – тебя. Как ты думаешь, какое наследие мы, представители старших поколений, оставляем будущим социологам?

Как я уже отмечал, наша кафедра не готовит профессиональных социологов, но мы выполняем не менее важную (а в чем-то и более сложную) функцию – преподаем социологию

технарям, управленцам, экономистам. И тут – повторю – стремимся не только доказать, что социология – наука, но и обосновать значимость ее для их жизненной и профессиональной карьеры. Вряд ли наши сегодняшние выпускники вспомнят в 2058 г., кто такие Спенсер или Тард? Что такое ролевое поведение или самоидентификация? Но если им удастся использовать в различных жизненных или производственных ситуациях навыки социологического анализа, то мы будем счастливы от сознания хорошо выполненного профессионального долга.

Спасибо, Юра, за сотрудничество, терпение к моим: «что» и «почему». Но меня одно успокаивает: для общего дела.